

УДК 101.1:316

Концептуализация жизненного пространства в философии геополитики

О. А. Шершнева, аспирант*

Статья посвящается анализу геополитики и «жизненного пространства» как социально-философских феноменов, акцентируется внимание на особом статусе пространственного фактора; жизненное пространство, находящееся в состоянии качественной трансформации, интерпретируется как предмет геополитического исследования.

The Conceptualization of Vital Space in Philosophy of Geopolitics

O. A. Shershnyova, Postgraduate Student

This article is devoted to the analysis of geopolitics and «vital space» as social and philosophical phenomenon; it also focuses on special status of space factor. In according to the article vital space is a special subject of geopolitics; it is being in the state of qualitative transformation.

Современное общество находится в стадии интенсивных изменений, социальной нестабильности и повышенной напряженности. В условиях глобализационных процессов это означает, что социальный мир является по-прежнему достаточно проблемным, сотканным из разного рода противоречий (внутренних и внешних), проявляющихся в тех или иных формах конфликта. В принципе социальные противоречия, связанные, например, с противопоставлением центра и провинции, промышленных и аграрных регионов, элиты и массы, технической цивилизации и природной (естественной) среды, постепенно приобретают черты глобального кризиса с тотальной дифференциацией мирового пространства. К тому же идеалы единого взаимозависимого мира и «нового мирового порядка» оказались утопией, соответственно все больше сомнений вызывает возможность реализации концепции устойчивого развития, так как крайне трудно абстрагироваться от социальной реальности, своими фактами и тенденциями провоцирующей подобный скепсис. Несмотря на это, исследовательская практика не может ограничиться только констатацией происходящего, а усиленно занимается осмыслением онтологии нового феномена с разных концептуальных позиций.

В этом плане, на наш взгляд, достаточно ярко заявляет о себе геополитический ракурс, который нам интересен своим акцентом на проблемах жиз-

ненного пространства как той среды, в пределах которой осуществляется жизнедеятельность человека, формируются его представления, закладываются стереотипы поведения; это та почва, где происходит возвращение культурных ценностей и идеалов и т. д. Акцентуация внимания на исследовании социодинамики в геополитическом масштабе связана и с тем, что здесь актуализируется социально-философская проблема, обозначенная как конфликт солидаризма и изоляционизма, поразному изменяющих контуры жизненного пространства. В принципе все аргументы в пользу выбора данного вектора связаны с его инновационным характером, несмотря на то что геополитика зародилась на рубеже XIX—XX вв. Вместе с тем она, как ни странно, до сих пор не имеет четко сформулированного предмета исследования, соответственно имеет смысл в рамках данной статьи, во-первых, осуществить анализ геополитических концепций с целью выяснения причины такой ситуации, а затем уже, во-вторых, сконцентрировать внимание на базовой для нас категории «жизненного пространства», составляющей предмет исследования геополитики и наиболее полно отражающей ее социально-философский смысл. Такой подход делает возможным взглянуть на проблемное поле геополитики как на сложное явление, анализ которого выходит за границы только политологических изысканий и затрагивает более глубокие смысловые пласты — онтологические, психологические, ментальные, аксиологические и др.

Прежде чем рассмотреть осмысление геополитики с точки зрения различных школ и направ-

* Аспирантка кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ. Научный руководитель — кандидат философских наук, доцент А. А. Барковская.

лений, необходимо зафиксировать ее первичное и наиболее общее значение, которое дается научными словарями. Так, философский энциклопедический словарь определяет геополитику как концепцию, утверждающую, что политика государств предопределена различными географическими факторами: пространственным расположением, наличием либо отсутствием определенных природных ресурсов, климатом, плотностью населения и темпами его прироста и т. п. [1, с. 116]. Политический словарь понимает геополитику как направление, основанное на крайнем преувеличении роли географических факторов в жизни общества [2, с. 111]. Очевидно, что данные словари квалифицируют геополитику как изучение отношений между политикой государства и теми географическими рамками, в которых она осуществляется. Это достаточно узкое понимание геополитики пытаются восполнить социологи, политологи, философы.

Классик геополитической мысли Рудольф Челлен определяет геополитику как «доктрину, рассматривающую государство как географический организм или пространственный феномен» [3, с. 7]. Немецкий исследователь Карл Хаусхофер понимает ее как «географический разум государства» [3, с. 8], усматривая тесную связь геополитики с географией. Более обстоятельное определение данному феномену дает К. Э. Сорокин, различая «фундаментальную», изучающую развитие геополитического пространства, и «прикладную» геополитику, вырабатывающую принципиальные рекомендации относительно генеральной линии поведения государств на мировой сцене. Причем последнюю Сорокин считает возможным именовать «геостратегия» [4, с. 8]. Э. А. Поздняков считает, что предметом исследования геополитики является «использование государствами пространственных факторов при определении и достижении политических целей» [5, с. 3]. Обобщая представленные дефиниции геополитики, можно сказать, что все они так или иначе страдают редукционизмом, сводя геополитику к дисциплине политических элит, к науке о власти, которая изучает государство, политические явления, географические аспекты этих явлений.

Несмотря на политический и географический редукционизм, не следует упрекать исследователей за попытку объяснить геополитику как науку, концентрирующую внимание на политических явлениях, или когда они стремятся дать географическую интерпретацию этих явлений, поскольку еще задолго до Фр. Ратцеля и Р. Челлена о роли влияния географических факторов на судьбу как отдельного человека, так и государств в целом го-

ворилось в трактатах Аристотеля, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Ж. Бодена и др. Более того, большим шагом вперед как ранних мыслителей, так и современников геополитической теории явились их рассуждения о том, что геополитика изучает политические явления в их пространственном взаимоотношении, о чем пишет, например, К. В. Плешаков: «Геополитика может быть определена не просто как объективная зависимость внешней политики той или иной нации от ее географического местоположения, а как объективная зависимость субъекта международных отношений от совокупности материальных факторов, позволяющих этому субъекту осуществлять контроль над пространством» [6, с. 32].

Такой подход к геополитике обуславливает необходимость исследования проблемы пространства, ставшей предметом особого внимания не только политологов, но и историков, культурологов, этнографов. А. Дугин подчеркивает, что «география и пространство выступают в геополитике в той же функции, как деньги и производственные отношения в марксизме и либерализме — к ним сводятся все основополагающие аспекты человеческого существования, они служат базовым методом интерпретации прошлого, они выступают как главные факторы человеческого бытия, организующие вокруг себя все остальные стороны существования» [7, с. 12]. Пространственное измерение позволяет более наглядно показать динамику общественного бытия и выявить детерминирующие его факторы. Не случайно геополитику часто определяют как науку или систему взглядов о контроле над пространством. Политическое измерение пространственных характеристик служит ключом к прогнозированию политического развития отдельных стран и даже континентов, что на геополитическом уровне означает усиление роли пространственного фактора не только и не столько в жизни отдельного человека, сколько в общемировой истории.

В связи с тем, что категория пространства является ключевой в геополитике, правомерно, на наш взгляд, более детально остановиться на ее смысловом значении, тем более что речь преимущественно будет идти о «жизненном пространстве» как особом предмете исследования геополитики. Задача состоит в том, чтобы в силу разной интерпретации предметного поля геополитики и некоторой размытости его терминологической семантики использованный в данном тексте критерий «жизненного пространства» также не привел к чрезмерно узкому толкованию предметного смысла данной дисциплины и тем самым не вызвал шквал критики в адрес философского подхода, отличного от чисто геополитического.

Жизненное пространство отражает не количественную характеристику геополитики, связанную преимущественно с масштабностью, но качественную ее составляющую, включая такие параметры, как культура, традиции, язык, социальные установки, научные разработки, технологии и прочие аспекты, составляющие материальные и духовные стороны общественной деятельности. Эти параметры можно привести в некоторую систему, выделяя ключевые из них: физический, экономический, правовой, культурно-политический. Обозначенные факторы есть не что иное, как жизненное пространство, в рамках которого разворачивается исторический ход событий, происходит становление и развитие отдельных государств, человечества в целом. Понимание жизненного пространства в данном случае не сводится к выше обозначенным параметрам, хотя, безусловно, предполагает и в большей степени характеризуется ими.

Категорию «жизненное пространство» нельзя рассматривать исключительно как совокупность подходящих для проживания территорий с их природными ресурсами. Жизненное пространство — это не просто совокупность территорий, где географические параметры являются доминирующими, это сложная конструкция, объемлющая как бытие человека, так и социальное бытие. С этой точки зрения категория пространства выступает в качестве предельного основания, определяющего границы существования человечества. Пространство геополитика рассматривает как определенного рода реальность, как имманентный аспект человеческого бытия.

Обращение к пространственному фактору общественного бытия по-прежнему актуально для большинства геополитических теорий, которые пытаются анализировать пространство путем его разделения на Сушу («теллуократия», или сухопутное могущество) и Море («талассократия», или водное могущество), борьба между которыми определяет геополитическую картину мира. Сухопутное пространство характеризуется доминированием устойчивых фиксированных границ, консерватизмом, коллективным образом жизни людей, иерархичностью общественной жизни, неизменностью и приверженностью социальным традициям. Морской тип пространства отличается динамизмом, подвижностью, изменчивостью, для него свойственно быстрое техническое развитие, дух индивидуализма и предпринимательства здесь является доминирующим.

Хэлфорд Дж. Макиндер, разделяя концепцию дуализма двух качественных пространств, считал, что психология мореплавателя постепенно вытесняет психологию сухопутного жителя. Согласно

взглядам исследователя, до определенного времени сухопутный культурный тип с его устойчивой системой ценностей и постоянством социально-политических структур доминировал, но после эпохи Великих географических открытий морская картина мира стала преобладать. Земной шар предстает как сцена развития конфликта между сушей и морем, исход которого предопределяется большей устойчивостью к переменам морского культурного типа в отношении сухопутного.

Дуализм сухопутного и морского пространства не снимает актуальности самой проблемы качественной организации пространства. Скорее наоборот, концепция Макиндера конкретизирует выдвинутый еще ранее Фр. Ратцелем тезис о переходе пространства из количественной материальной категории в новое качество, когда оно становится пространством «жизненным», сочетающим в себе не только географические параметры, но и демографические, этнокультурные, политико-правовые, культурно-идеологические. Пространство рассматривается как непрерывное жизненное тело народа или этноса, его населяющего. Фр. Ратцель подчеркивает, что «государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством; государство складывается как организм, привязанный к определенной части поверхности земли, а его характеристики развиваются из характеристик народа и почвы» [8, с. 35].

Очевидно, что понятие «пространства» становится важнейшей составляющей исторического анализа, оно перестает быть исключительно физическим, становится «жизненным». Жизненное пространство — значит пространство человеческих смыслов, которые приобретают самостоятельное значение. Жизненное пространство расширяет границы физического мира, определяя смысловые структуры, коды социально-политического, культурного бытия. Специфика ландшафта, рельефа, климатические особенности территории, почва, ее природные богатства — все это не просто географические категории, отличающиеся своими качественными и количественными характеристиками. Это то, где происходит зарождение и становление жизненных ценностей, идеалов, которые оказываются непосредственным образом связаны с жизнью отдельного человека, обуславливают его «жизненное пространство», задавая вектор развития истории человечества в целом. Географические категории приобретают онтологический смысл, в силу чего расширяется представление о социальной реальности как о той сфере жизненного пространства, в которой осуществляется жизнедеятельность людей и координация их общественного и индивидуального бытия. Соот-

ветственно геополитика рассматривает жизненное пространство как своеобразный отпечаток человеческой общности, как смысл ее существования, независимо от масштаба — регионального или глобального.

Определяя геополитику в контексте жизненного пространства, мы понимаем под пространством некую целокупность, включающую в себя «физическое пространство», «социальное пространство», «культурное пространство», «экономическое пространство», «политическое пространство», которые конкретизируют уже упоминавшиеся параметры анализа географической картины мира — физический, экономический, правовой, культурно-политический. Жизненное пространство в единстве обозначенных характеристик не исключает жизненное пространство человека, а, наоборот, выявляет его онтологические основания. В данном аспекте схожим с жизненным пространством является введенное Э. Гуссерлем понятие «жизненного мира». Жизненный мир является самым реальным, человек воспринимает его изначально на уровне чувств и переживаний, таким образом общаясь к культуре своего народа. В то же время жизненное пространство человека — это не мыслительная конструкция, а жизнь в многообразии ее взаимодействий с другими формами пространственной организации. В этом смысле неправомерно отождествлять жизненное пространство и жизненный мир человека, поскольку последний является средой формирования основополагающих ценностей, это горизонт возможностей сознания, и в этом смысле он есть, как выразился сам Гуссерль, «глухая скрытая атмосфера априорных структур допредикативного опыта» [9, с. 47]. Если с точки зрения жизненного мира приобщение человека к культурным традициям происходит на эмоциональном уровне, то с позиции жизненного пространства — на интеллектуальном, в процессе осознанной включенности человека в пространственную организацию социума посредством единой геополитической картины мира.

Социальная динамика жизненного пространства человека, стирая массу границ, вовлекает человека в мировое жизненное пространство, и в этом смысле оно становится органичным продолжением жизненного пространства, как его понимает геополитика. Что это значит? Поскольку геополитика мыслит масштабными категориями, и пространство выступает ключевой из них, то его следует рассматривать как тот топос, который предопределяет человека в наиболее значительных его проявлениях. Человек — существо земное, и, будучи таковым, он не существует вне пространственной организации. Все, что из себя представ-

ляет человек, в определенной мере обусловлено и заранее предопределено этой пространственной организацией. Это не значит, что человек никак не влияет на ту среду, в которой происходит его становление и развитие; речь скорее идет о том, что структура пространства предопределяет ход истории, а не наоборот. В этом смысле геополитические концепции — яркое тому подтверждение.

В частности, фиксируя принципиальные различия государственного, культурного и индустриального развития Востока и Запада, исследователи пытались объяснить эти различия пространственными особенностями каждого из регионов. Так, пространственная организация Запада (выгодное географическое положение) предопределила то, что он стал центром материального и технологического развития, в нем преобладают демократические тенденции, приоритет отдается технической модернизации и прогрессу, в то время как геополитический Восток характеризуется традиционными архаическими формами производства, тяготеет к тоталитаризму и коллективному образу жизни. Соответственно Запад, как передовая цивилизация с ее устремленностью к новациям, будет соответствовать морскому типу пространства, а традиционный Восток с устойчивыми нравственными ценностями — его сухопутному типу.

В этом контексте обратим внимание на нашу страну, которая представляет собой регион пограничья, что, несомненно, сказывается на ее пространственной организации и системе приоритетов. Выгодное географическое положение Беларуси (уникальная природно-географическая среда, умеренный климат, наличие обширных лесных массивов, густая цепь рек и др.) определяется отсутствием сколько-нибудь серьезных естественных преград, изолирующих территорию от коммуникации и сотрудничества с другими регионами. Открытость пространства Беларуси по всем направлениям создает возможность для интенсивного взаимодействия с соседними государствами. Тем не менее, пограничное положение белорусов между западной и восточной культурами остро ставит проблему самоидентификации белорусского народа, которая сказывается на языковых различиях, на специфике территориального мышления, на особенностях традиций и культуры. С одной стороны, приверженность к утилитарным ценностям и практическому расчету определяет западное влияние на белорусов, с другой стороны, в первую очередь приверженность духовным идеалам является характерной чертой восточного человека. Промежуточное положение белорусов вынуждало их колебаться между этими культурами, что позволяет говорить о том, что жизненное про-

странство в данном случае определяется философией пограничья и ассимиляцией разных типов опыта.

Социально-философская проекция геополитики в контексте анализа жизненного пространства показывает, что современное геополитическое сознание, по образному выражению А. С. Панарина, связано с «ощущением состояния мира как войны всех против всех, где никому не гарантировано «жизненное пространство» и где, как и в доцивилизованном состоянии, могут выжить только сильные и до зубов вооруженные» [10, с. 16]. Исследовательский интерес автора выводит его на проблему сопоставления геополитического типа сознания с цивилизационным: первый исходит из «номиналистической презумпции, согласно которой действительной реальностью являются изолированные организмы — государства, ведущие трудную и опасную борьбу за выживание», в то время как второй — из «картины упорядоченного мира, в котором над каждым суверенным государством возвышается некая суперсистема, которой подчиняются все нации и государства, создавая тем самым стабильное пространство предсказуемости» [10, с. 19]. Таким образом, геополитическое сознание с его установкой на передел мира не может не активизироваться, поскольку, как полагает А. С. Панарин, «стал оправдываться пессимистический реализм геополитического сознания, открывающий необузданное государственное самовластие в мире, не имеющем гарантий» [10, с. 21].

Понимание геополитики в аспекте жизненного пространства аккумулирует богатый опыт целых поколений, и на его основании геополитика способна прогнозировать будущее человечества, в результате чего формируется та или иная геополитическая картина мира, представляющая собой определенную реалию, которая способна перекраивать ход истории под действием геополитических процессов. Именно вследствие геополитических процессов происходит рост и развитие государств, интересы которых впоследствии сталкива-

ются, что ведет к неизбежной борьбе, в которой более сильные государства побеждают, отстаивая тем самым права на свое жизненное пространство.

Таким образом, следует признать, что геополитика выступает определенного рода матрицей, сквозь призму которой высвечиваются онтологические основания человеческого бытия. Геополитические процессы неизбежно ведут к перекройке мира, они не только изменяют теоретические представления о нем, но и меняют саму картину мира и ее пространственно-структурную организацию. Именно поэтому проблема жизненного пространства, будучи актуальной и востребованной среди исследователей разных направлений, выступает междисциплинарным объектом исследования, одним из измерений которого стала геополитика как своеобразная метадисциплина.

Список цитированных источников

1. Философский энциклопедический словарь / под ред. И. Т. Фролова. — 7-е изд. — М., 1989.
2. Краткий политический словарь / сост. и общ. ред. Л. А. Ониксова, Н. В. Шишлина. — 4-е изд. — М., 1989.
3. Цит. по: *Нартов, Н. А.* Геополитика / Н. А. Нартов, В. Н. Нартов. — М., 2007.
4. См.: *Сорокин, К. Э.* Геополитика современного мира и Россия / К. Э. Сорокин // Полит. исслед. — 1995. — № 1. — С. 8—15.
5. *Позняков, Э. А.* Геополитика / Э. А. Позняков // Соц.-полит. исслед. — 1994. — № 1. — С. 3—11.
6. *Плешаков, К. В.* Компоненты геополитического мышления / К. В. Плешаков // Междунар. жизнь. — 1994. — № 10. — С. 32—41.
7. *Дугин, А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А. Г. Дугин. — М., 1997.
8. Цит. по: *Дугин, А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А. Г. Дугин. — М., 1997.
9. *Гуссерль, Э.* Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. — Новочеркасск, 1994.
10. *Панарин, А. С.* Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы / А. С. Панарин // Социальная философия и философская антропология: тр. и исслед. — М., 1995.

Дата поступления в редакцию: 15.06.2012 г.